

Михаил Кондратьев: Все идет от Федора Павлова

Последняя часть трилогии посвящена композитору, драматургу и поэту

В 2017 году отмечается 125-летие со дня рождения одного из самых талантливых чувашских творческих деятелей своего времени Федора Павловича Павлова. К этой дате Чувашское книжное издательство выпустило монографию Михаила Кондратьева «Гора золотая...» Федор Павлов и его время», ставшую завершением трилогии об основоположниках современного музыкального искусства Чувашии. Первые две были посвящены Степану Максимову, Василию и Геннадию Воробьевым. Что открывают для себя современники в этих именах и что сегодня представляет собой чувашская композиторская школа, рассказывает автор этой трилогии, музыковед, доктор искусствоведения Михаил Кондратьев.

— Михаил Григорьевич, на расширенном заседании коллегии Минкультуры вы говорили о недавнем Фестивале чувашской музыки, где на гала-концерте прозвучали новые произведения, показывающие, что композиторская школа продолжает жить и развиваться. И о том, что у нас огромное наследие вокальной музыки, прекрасные певцы, но до сих пор нет полноценного оркестра для сопровождения их выступлений. Было ли это мечтой героя вашей книги?

— Было и это тоже. Федор Павлов вошел в историю как талантливый и дальновидный человек. Он хорошо понимал, что мировая культура не откроется для нас, пока мы не пройдем все ее этапы. Он ясно сознавал — чувашскому народу нужна большая культура. Большая! То, о чем мы сейчас забываем, удовлетворяясь простыми развлечениями. И оркестр — одна из ее частей. Когда выходят профессиональные артисты или звучит звукозапись, и нет оркестрового аккомпанемента, это анахронизм.

— Но вот нынешний гала-концерт Фестивала чувашской музыки с премьерными произведениями — элемент большой культуры.

— Один раз за несколько лет, слава Богу, сделали. Это была инициатива уже бывшего художественного руководителя театра оперы и балета Ольги Нестеровой. И оркестр Мориса Яклешкина время от времени что-то исполняет национальное. То, что звучало на гала, — да, подтверждение, что мы еще живы в этом смысле, и национальный творческий дух есть. Открываются по-новому Юрий Григорьев, Лариса Быренкова, Лолита Чекушкина.

— Звучала музыка и совсем молодых, и даже студентов.

— Юрий Эриванов уже не такой юный, ему за 40, сейчас живет в США. Причем это первый чувашский композитор, получивший высшее профессиональное образование в Чувашии. Рассказывает, что чувашское воспринимается за океаном как экзотика, и он включает такие элементы в свою музыку, делает это хорошо, по-европейски, сознательно и цивилизованно. А вот симфоническая фантазия «Битва у башни» Антона Якшибаева — это новое явление в местном творчестве. Он идет своим путем, отталкиваясь, похоже, от голливудских саундтреков. Хотя в симфонической музыке нечто подобное было и у Ференца Листа, наподобие его поэмы «Битва гуннов».

— И все же подобные концерты очень редки. Композиторы в антракте печалились, что оркестры не слишком охотно берут новое.

— Да, это пока как подарок. Раньше подобное стимулирова-

лось и курировалось «сверху». А сейчас не только не курируется, представители Минкультуры бьют и не в курсе происходящего. На этом концерте, например, их не было.

— Все же мы увидели, что композиторская школа существует. Но начиналось все с Федора Павлова.

— Федор Павлов, Степан Максимов, Василий Воробьев — основоположники чувашской музыки. Павлов — один из самых талантливых представителей интеллигенции первого поколения, в том числе и литераторов. Он не только музыку писал, я открыл его для себя как поэта. Был он еще и теоретиком. Пытался разработать и пропагандировать эстетику национального профессионального искусства. Первым написал статью и о чувашских художниках в 1927 году. Подобного искусствоведа в Чувашии не было ни до, ни позже, в 1930-е годы. Потому что не было людей, которые бы вникали и пытались объяснить, что такое национальное профессиональное искусство и что от него требуется.

— Получается, что человеку были подвластны и музыка, и театр, и поэзия.

— Он универсал, какими были деятели эпохи Возрождения. Когда он учился, то, конечно, впитал в себя поэзию Пушкина, Лермонтова, Гейне, Фета. В 16-18 лет заполнил стихами на русском языке несколько тетрадей. В Симбирской школе тогда поощрялось литературное творчество. Но это такие стихи! Одно из стихотворений дало название книге и эпиграфы всем ее частям:

*В страдающем мире одна
Гора золотая стоит,
от века до века она
Таштвенным светом блестит.
На этой горе золотой,
Нам кажется, счастье живет —
Туда всякий скользкой тропой
То бодро, то робко идет.
Иные дойдут до горы,
Иные — увь! — не дойдут.
Дошедшие видят дары
И с радостью в гору идут.
Вершины достиг человек,
но что же он видит на ней?
Увидел ли то, что весь век
Любил он душою своей?
Увь, не увидел того,
Что в жизни своей он любил,
Что было святыней его,
Во что он верил, чем жил.
Желанье умчалось, как сон,
И радость потухла в очах,
Стоит он, обманом сражен,
В душе и смеленье, и страх.
Мечты отлетели давно,
Разбитое сердце щемит.
Пред ним все туманно, темно,
И ум, омраченный, молчит...*

Романтическую юношескую мечту продолжила «чарующая сказка» в виде революции и освобождения труда, радость творчества на родном языке. Его же позвали работать в Казань. Федор Павлов — губернский инструктор искусств. Поэтому в это время жил с радостью и надеждой. А потом

произошел перелом, конец сказки. Это когда он начал понимать жизнь, когда один за другим пошли щелчки и удары. Последняя часть — о разочарованиях. Так в раннем стихотворении он будто прописал собственную судьбу.

— Вы говорите, он писал, что надо пройти все. Идти ускоренно?

— Он как раз боялся ускоренного пути. Говорил: наш народ в невежестве, ему надо пройти все культурные ступени. И рядом был образец стремительного взлета через все этапы — Михаил Сеспель! В Чебоксарах он появился лишь в 1920 году, а уже в 1922-м покончил с собой. Патриот своей земли, пламенный революционер, он тоже верил во все и — сгорел... Сеспель вводит в национальную поэзию другую систему, силлаботоническую, а Федор Павлов пользовался ею лишь в русских стихах, чувашские писал по-народному. У них не было встреч и прямого общения. Но есть одна схожая мысль. Сеспель где-то говорит о том, как хотел составить сборник современных стихотворений, и ему ничего не удалось найти. Он понял, что одинок. Творческое и человеческое одиночество — вот главная проблема. И Павлов был один. Максимов появится рядом только в 1925 году. И Воробьев чуть позже себя раскроет. В 1921 году Павлов зовет Максимова, несмотря на то, что они почти не общались (известная история — Максимов отбил у него невесту). Федор Павлов пишет ему, зачеркивая то «ты», то «вы», добавляя: «Здесь я работаю один. Есть, конечно, толковые работники, но двигать искусство вперед они не пробовали». И это одна из главных проблем — отсутствие единомышленников.

— Вы утверждаете, что Павлов боялся ускоренного пути. Но ведь имелся прекрасный фундамент, мировая и русская культура. Не нужно проживать столетия, достаточно изучить.

— Не получалось соединить все это с чувашским. Его как поэта не особенно воспринимали. И он это осознавал. Даже совсем недавно писали, что, например, он не достиг вершин Константина Иванова. Да с какой стати он должен был достигать вершины «Нарспи»? Это эпическая поэма — другой жанр и другой стиль. А у Павлова преобладала лирика в пушкинском стиле, то, чего у Константина Иванова просто не было. Зато у Иванова есть великолепное стихотворение, посвященное учителю, Ивану Яковлеву. В нем есть такие строки, в буквальном переводе:

*...Однако среди чувашей
И душой черствые людишки
Вылезать начали,
Поднявшись, так рассуждали:
«Поважнее местечко бы найти,
Поскорее в господу выйти».*

Это о тех, кого Иван Яковлев вывел на дорогу знания, чтобы они несли свет культуры дальше. Среди них, как всегда бывает, явились и «душою черствые

людишки».

— Образованцы.

— Вот-вот. А первым это отметил Константин Иванов. По поводу сравнения поэтов — не стоит этого делать. Павлов шел другим путем. Так, лишь в 1962 году опубликовали то, что хранилось в его рукописях. Это стихотворение начинается фольклорно, а потом идет признание, страшные вещи. Он как раз продолжает Иванова, но не про черствых людей, а про внутреннее раздвоение. Буквально (перевод 1962 года сильно сглаживает остроту выражений оригинала):

*Только как, стихи слагая,
петь мне,
Если сызмала раб — когда же
научился?
Как пред тобою, выйдя,
в хороводе плясать,
Коли работой изломано тело —
откуда быть этому?
Из-за заскорузлых в поту —
бледности рук-ног
О черном поле стих сложить
не в состоянии.
В черную деревню когда войдешь —
сердце ноет
Оттого, что молодости
время увяло.*

Павлов неимоверными усилиями пробивается к образованию и современной культуре. При этом пишет, что «мне в голову ударил сок города». То есть, когда оторвался от деревни, он не обрел внутренней гармонии:

*Ай-яй-яй, ведь деревенская
юность
Все же, как вспомнится,
душу изнурует.
Не о себе — в деревне ровесник
был у меня,
Ровесник остался в деревне,
там он погиб.*

То есть он вырвался, а друг его, которому не дано его понять, оставшись там, обречен. В рукописи слово «погиб» зачеркнуто, написано: «о нем душа скорбит». В этих строках трагичность, почти безнадежность. Но он находит силы — поступает в консерваторию. В последнем стихотворении я хорошо понял, что Павлов не находил понимания у современников.

— Имя Федора Павлова у нас носит музыкальное училище. То есть его рассматривают как композитора. Вы рассматриваете его в целостности, как фигуру «чувашского Возрождения».

— Да, именно что в целостности. Известна его драма «В деревне», которая идет и сейчас. И до слез прошибает до сих пор. Павлов сумел создать такое произведение в 1920 году. Хотя и до и после него написано десятки пьес. Почти все это забыто. А «Ялта» идет. Мы обсуждали это с постановщиком Валерием Яковлевым. Он сказал: «Именно отсюда лучшие национальные драмы, и театральный вариант «Нарспи», и «Айдар» и многое другое. Все идет от Павлова».

Рита Кириллова